

Маленькая замѣтка маленькаго охотника.

Многоуважаемый г-нъ Фольцъ разсказалъ намъ, какъ охотятся „не у насъ“ и „не по-нашему“, вѣроятно желая вызвать въ насъ, русскихъ охотникахъ, зависть, а можетъ быть и желаніе послѣдовать примѣру „не нашихъ“ охотниковъ. Многоуважаемый г-нъ Кишенскій возсталъ противъ этого. Учинился по этому вопросу споръ, который, къ сожалѣнію, окончился не выясненіемъ „истины“, а выясненіемъ только нашей русской способности всякіе споры сводить на личности и напрасныя пререканія. Тѣмъ не менѣе возбужденный вопросъ вызвалъ споры и у насъ, мелкотравчатыхъ: мы также поговорили и поспорили о немъ, приче́мъ громадное большинство спорившихъ стали, „по существу дѣла“, на сторону г-на Кишенскаго. Хотя, казалось-бы, тамъ, гдѣ „паны скубутся“, гдѣ спорять специалисты и мастера охотничьяго дѣла, намъ, мелкотѣ, не слѣдуетъ носа совать; но вѣдь мы тоже охотники въ душѣ, мы также способны чувствовать и испытывать охотничьи наслажденія, а потому, хотя-бы за любовь нашу къ охотѣ, мы можемъ позволить себѣ „смыть“ свои сужденія имѣть“.

Думая по поводу спора гг. Фольца и Кишенскаго, я припоминаю свои охоты. У меня никогда не бывало болѣе трехъ или четырехъ смычковъ гончихъ и одной или двухъ своръ борзыхъ. Собаки были и есть не извѣстныхъ породъ, не патентованныя, а мѣстныя, домо-рощенныя, „самодѣлковыя“,—почему годами бывала великая дрянь, а годами отличные работники. Лѣсовъ въ окрестности много, волковъ порядочно, лисицъ въ изобиліи, зайцевъ посредственно,—но за то охотниковъ—какъ нерѣзанныхъ собакъ, (особенно мужичковъ съ убійственными „рушницами“ и всевозможными ублюдками гончей породы), и они изо дня въ день таскаются по лѣсамъ и бурьянамъ, бьютъ изрядное количество всякаго звѣря, но еще болѣе распугиваютъ.

Кромѣ того имѣются и интеллигенты, у которыхъ по десяти смычковъ гончихъ, по четыре и болѣе своръ борзыхъ,—и множество ружейниковъ, которые, враждуя и соперничая между собою, кто первый возьметъ лучшіе лѣса и кто больше загубитъ лисицъ, хотя-бы ростомъ съ кошку, открываютъ свои охотничьи набѣги съ Іюня мѣсяца и до большихъ морозовъ въ Декабрѣ не перестаютъ изо дня въ день скитаться по всѣмъ лѣсамъ.

Лѣса у насъ отдѣльными байраками, отъ 15 и 20 десятинъ до 100 и болѣе десятинъ, съ перемычками, удобными для травли. Охочусь я болѣе тридцати лѣтъ; прежде охотился съ борзыми, но когда доктора запретили мнѣ верховую ѣзду, то теперь я почти уже двадцать лѣтъ охочусь съ ружьемъ. Но страсть къ борзымъ настолько сохранилась во мнѣ, что я предпочитаю иногда отказаться въ лѣсу отъ болѣе надежнаго лаза, лишь-бы стать въ опушкѣ такъ, чтобы видѣть работу своихъ борзачковъ. При мнѣ всегда два-три ружейника. Съ борзыми ѣздитъ кучеръ Герасимъ; съ гончими ѣздитъ домодѣлковый псарь Куликъ, который лѣтомъ работаетъ въ полѣ, передавая кормленіе собакъ птичницѣ, и только съ 1-го Сентября дѣлается специально псаремъ. Въ ружейникахъ состоятъ мой лакей Платонъ и инвалидъ изъ старыхъ домашнихъ псарей—Каленикъ, да иногда я беру одного или двухъ мужичковъ изъ деревни, съ ихъ фузеями. Хотя для псаря и борзятника я стараюсь имѣть особыхъ, „спеціальныхъ“, лошадей, но въ случаѣ ихъ болѣзни или „издохновенія“, когда при этомъ экономическій кризисъ, жучки, гессенская муха и прочее, не позволяютъ купить новыхъ,—борзятникъ и псарь ѣздятъ на пристяжныхъ отъ моей тройки, а для выѣзда на охоту къ моему коренному нанимаются въ пристяжныя крестьянскія лошадки. Повятно никакого охотничьяго обоза не имѣется даже въ случаѣ дальнихъ экспедицій, т. е. верстъ за 30-ть и даже за 50-ть; таковыя предпринимаю только къ сосѣдямъ-пріятелямъ, дня на два или на три, у которыхъ всегда найдется и дерть, и посудина запарить дерть, и посудина покормить собакъ. Преимущественно-же я охочусь кругомъ своего хутора, не далѣе 10 и 15 верстъ, куда отправляюсь рано утромъ прямо изъ дому и возвращаюсь на ночь домой, — а такихъ лѣсовъ вокругъ моего хутора болѣе сорока.

И вотъ такими охотничьими средствами, въ нѣкоторые годато-есть, когда собаки выдавались хорошія, когда у меня бывали двѣ своры борзыхъ, когда я чаще дѣлалъ далекія экскурсіи и когда благопріятствовала погода, я бралъ въ осень, т. е. съ 15-го Сентября и до зимы (до большихъ морозовъ), по шести и болѣе волковъ, не только молодыхъ, прибылыхъ и переряковъ, но даже и лобастыхъ стариковъ, неменѣе 50 лисицъ и изрядное количество зайцевъ; наи, худшіе года были тѣ, когда не было ни одного волка, а лисицъ всего штукъ 30-ть. Волки всегда попадались случайно, а главная охота у насъ на лисицъ.

Отличный октябрьскій день. Завтра я рѣшился ѣхать на охоту, — но куда, въ какіе лѣса, съ какого лѣса начать охоту и куда идти? Только этотъ вопросъ и занимаетъ весь день мою голову. Совѣтуюсь я и съ псаремъ, и съ борзятникомъ, и съ ружейниками, — и никакъ не могу рѣшить этого вопроса. Конечно, надежныѣ всего поѣхать въ Плюсскій и Сторожевскіе, но до нихъ 15 верстъ, на дняхъ тамъ могли быть вышеупомянутые интеллигентные соперники, — а къ тому же пасмурно, барометръ падаетъ, дождикъ накрапываетъ, и забраться такъ далеко, чтобы промокнуть и даромъ проморить собакъ и лошадей — не хочется. Поѣхать въ Ковалевскій, чтобы потомъ захватить Колчановскій и Раскидной, хотя и близко, всего 7 верстъ, — но третій день дуетъ южный вѣтеръ и слѣдовательно будетъ съ вершины лѣса, значить ни гончихъ, ни псаря не будетъ слышно, звѣрь будетъ идти на ружейниковъ противъ вѣтра, да и Кузевскій солдатъ Григорій съ двумя ублюдками пилется тамъ „изо-дня“. Поѣхаль-бы въ Боголюбовскіе лѣса, но вчера былъ праздникъ, и, конечно, оба Носиковы и Бутовскій съ своими четырьмя гончими все тамъ разогнали. Словомъ, вопросъ — куда ѣхать? — остается неразрѣшеннымъ.

Вечеромъ приходитъ въ дѣвичью кучеръ Герасимъ (онъ-же борзятникъ) за стеариновымъ огаркомъ, чтобы до-свѣта выкормить лошадей, и я снова разсуждаю съ нимъ — куда ѣхать, и снова не прихожу ни къ какому рѣшенію.

Приходитъ Каленикъ (стрѣлокъ) и докладываетъ, что Емельянъ завтра поѣдетъ съ нами, а его братъ вѣтъ, потому что ѣдетъ пахать, а оба Тарасенки поѣхали на ярмарку въ Свотову. И съ Каленикомъ веду разсужденія, куда ѣхать, и снова вопросъ этотъ остается нерѣшеннымъ.

На другой день, рано утромъ, едва скрипнула дверь кабинета, какъ я уже проснулся.

— Это ты, Платонъ?

— Я.

— Ну что, какая погода?

— Хороша; пасмурно, но дождя не должно быть.

— А вѣтеръ откуда?

— Вѣтру вѣтъ, а такъ поддыхаетъ отъ конюшни.

— Отъ конюшни? Это значить въ Ковалевскомъ будетъ отъ низу на Кочержинъ.

— Люди ждутъ, куда вести собакъ?

— Пусть Герасимъ и Куликъ ведутъ къ Ковалевскому и ждутъ насъ противъ вершины у дороги, а Каленикъ поѣдетъ за кучера.

Платонъ уходитъ, а я начинаю предаваться сладостнымъ надеждамъ и мечтамъ, которыя могутъ понять только охотники.

Черезъ полчаса Платонъ приноситъ мнѣ кофе, а когда я оканчиваю второй стаканъ, онъ докладываетъ, что лошадей уже запря-

Снова тишина и только Куликъ порскаетъ. Выбѣжала Тревожка, увидала меня и подошла съ реверансами и присѣданіями.

— Ну что, Тревожечка, скажи, ушла или затравили? Вѣдь ты тамъ была, скажи-же мнѣ, милая.

Тревожечка какъ-то радостно помахала хвостикомъ, повизжала и побѣжала въ лѣсъ.

Вышелъ старикъ Барабанъ, подошелъ ко мнѣ и легъ.

— Ну, если Барабанъ вышелъ, значитъ въ лѣсу нѣтъ ничего,—рѣшаю я, подаю въ рожекъ вызывать гончихъ и вдвоемъ съ Барабаномъ идти къ дрогамъ.

Куликъ трубить и сзываетъ гончихъ. Ружейники выходятъ изъ лѣса и Каленикъ тащить зайца.

— Ты гдѣ это нашелъ дохлаго,—кричатъ ему Платонъ и Емельянъ.

Каленикъ самодовольно улыбается и торжественно кладетъ зайца на дроги.

— Да, дохлаго,—попробоваль-бы ты справиться съ нимъ,—отвѣчаетъ Каленикъ. Да и чудной-же заяцъ, скажу я вамъ, братцы, просто чудной. Только, знаешь, забилъ это я норы да и сталъ подъ кручею, слушаю,—рожекъ, гончихъ пустили. Стою это я и слушаю, а въ тернеку Тревожка какъ закричить,—смотрю,—а онъ уже лупить опушкой, а потомъ какъ кинется въ сторону, да съ горы прямо на меня. Ну, говорю себѣ, пропадетъ заяцъ, да какъ свисну, а заяцъ и сѣлъ, я его въ бокъ какъ шарахну, а онъ чудно какъ подскочить на цѣлую сажень вверхъ, да потомъ о землю бехъ и ногами задрыгалъ.

Общій смѣхъ и Каленика просятъ научить, какъ зайцамъ свистѣть. Платонъ объясняетъ, что Каленикъ стоялъ подъ кручей и заяцъ подпрыгнулъ, чтобы увидѣть его.

— А кто по лисицѣ стрѣлялъ,—спрашиваю я.

— Я стрѣлялъ по яру, заявляетъ Емельянъ, да далеко и гушиною рѣзала,—думалъ хотъ попугаю,—скорѣе пойдетъ на борзыхъ.

— Ну, а ты, Платонъ,—тоже пугалъ ее на борзыхъ?

— А Богъ его знаетъ,—объясняетъ Платонъ, какъ это я не убилъ ее. Слышу, гончія повернули и ведутъ на меня. Стою и говорю себѣ: она безпремѣнно будетъ рѣзаться промоиной. Стою, притулился къ дереву и смотрю на промоину,—какъ слышу, а сзади меня шелестъ, шелестъ, шелестъ,—я зиркъ, она мелькъ, я бухъ, она стовбула да и побигла.

Емельянъ и Каленикъ накидываются на Платона.

— А ты самъ стовбула не былъ? Ты-бы рачки побѣжалъ за нею,—подсмѣивается Каленикъ.

Изъ-за вершины выѣзжаетъ Герасимъ, снизу ѣдетъ Куликъ. Всматриваюсь я въ Герасима—ничего не видно.

— А ну, Каленикъ,—говорю я,—посмотри, везетъ Герасимъ?

— Какъ будто везетъ,—ну, да—везетъ лисицу, отвѣчаетъ Каленикъ.

— Какого чорта ты тамъ видишь,—ты лучше свисни,—возражаетъ Платонъ.

— А то что телепается?

— Телепается, — передразниваетъ Платонъ,— ты протри глаза, такъ и увидишь, что то пола бекеша.

— Какая пола,—возражаетъ Емельянъ,— не пола, а хвостъ твоей лисицы, что стояла стовбула.

Общій смѣхъ.

Нахаль прибѣжалъ впередъ съ улыбочкой и ласками. Подъѣхалъ Герасимъ, отвязалъ громаднаго лисовина и положилъ на дроги. Всѣ его разсматриваютъ, глядятъ и разсуждаютъ, есть-ли въ немъ Платонова дробь. Каленикъ схибно увѣряетъ, что весь зарядъ дрови въ срединѣ лисицы и общается, когда будетъ снимать шкуру, высыпать его оттуда и отдать Платону.

— Ну, я думалъ, что ты пропустишь его, говорю я Герасиму.

— Да чуть было не пропустилъ,—объясняетъ Герасимъ. Да и окаянная-же лисица. Слышу выстрѣлъ, гончія еще до середины не дошли, а она уже вылетѣла въ вершинѣ, да и стелеть бороздной. Укажю собакамъ—не видятъ; а тутъ по нахоти не поскачешь какъ слѣдъ. Думаю—уйдетъ. Только выбралась изъ бороздны на чистое, Нахаль воззрился первый и пошелъ. Далеко, а Кочержинъ близко; пропала, думаю, выскакалъ къ курганамъ, смотрю,—а Нахаль дошелъ ее надъ самой уже опушкой, угналъ и завернулъ отъ лѣса, справился, угналъ второй разъ, поволокъ было ее, но самъ перевернулся чрезъ шею и спустилъ, а она въ лѣсъ. Совсѣмъ пропала, но тутъ Егоза уже въ кустахъ и поволокла ее, ажъ объ кустъ, сердечная, ударилась, а не спустила.

Подъѣхалъ Куликъ съ гончими и снова тѣ-же рассказы, пересказы, подсмѣиванья, шутки, нападкы другъ на друга. Даже Ванька приходитъ въ восторгъ и рассказываетъ, какъ заяцъ бѣжалъ по опушкѣ, а Тревожка за нимъ, какъ заяцъ прыгнулъ въ лѣсъ, Тревожка проне-слась, а дядько Каленикъ стрѣльнулъ въ лѣсу. Достается провизія, пьемъ за убиенныхъ, закусываемъ и начинаемъ обсуждать, куда ѣхать. Я заявляю, что поѣдемъ въ Колчановскіе, и Разсыпной—лѣса небольшіе и сподручные; мои немвроды убѣждаютъ ѣхать въ Кочержинъ, гдѣ надежнѣе застать звѣри.

— Да вѣдь въ Кочержинѣ,—объясняю я,—болѣе ста десятинъ, срубъ непроходный,—что тамъ мы сдѣлаемъ съ шестью гончими и одной сворой.

Куликъ божится, что онъ ничего не выпуститъ на Зубовъ и Бурдюговъ, Герасимъ клянется, что одинъ убережетъ отъ Ковалевскаго,—и мы трогаемся въ Кочержинъ.

И вотъ я не только лично не стрѣлялъ, но даже не видѣлъ звѣря,—а между тѣмъ сколько удовольствія я испыталъ отъ того, что

звѣря мы нашли, что гончія гнали превосходно, что звѣря не выпустили и борзые лихо его поймали. Все, что я испыталъ и неречуствовалъ съ той минуты, когда гончія были пущены, и до того, когда я узналъ, что звѣрь не ушелъ,—все это пойметъ „нашъ“ охотникъ.

Теперь я представляю себѣ другую охоту, „не нашу“. Ёду я въ тотъ-же Ковалевскій лѣсъ и ёду зная впередъ, что тамъ, по моему-же приказанію, собраны и сохраняются для меня десять волковъ, пятьдесятъ лисицъ и сотня зайцевъ. Я пріѣзжаю къ лѣсу, помѣщаюсь на надлежащемъ мѣстѣ, на меня гонятъ всю эту ораву разнаго звѣря и я стрѣляю направо и налево, едва успѣвая мѣнять патроны въ своей централкѣ. Доставило-ли бы мнѣ это удовольствіе? Да, доставило бы,—но это не было бы то удовольствіе, какое я испыталъ на вышеописанной охотѣ. Это было-бы удовольствіе „не наше“, это было бы удовольствіе стрѣлка, но не охотника, потому что въ этомъ удовольствіи не было бы волненій, ожиданій, неожиданностей и той неизвѣстности, которая, по словамъ Е. Т. Смирнова, „составляетъ ёсю прелесть охоты“. Помню, когда въ молодости я служилъ въ Архангельскѣ, мы компаніей ёздили на одинъ крутой берегъ р. Двины спеціально стрѣлять ласточекъ въ летъ; стрѣляли ихъ много, дѣлая замѣчательные выстрѣлы и дуплеты; ёто занятіе доставляло намъ удовольствіе, но конечно каждый изъ насъ промѣнялъ-бы сотню ласточекъ на одного бекаса на болотѣ.